

УДК 94: 378.4

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.12>И. В. Любезный
С. М. Смагина**ПРОЦЕСС ЧИСТКИ СТУДЕНЧЕСКОГО СОСТАВА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
ЮГА РОССИИ В 1924 ГОДУ: ПРИОРИТЕТЫ И ИТОГИ**

В статье на основе архивных документов краевой и местных проверочных комиссий, а также апелляций студентов, отложившихся в фондах Государственного архива Ростовской области, рассматривается процесс масштабной академической и качественной проверки студенческого состава высшей школы Юга России (в то время – Юго-Востока), произведенной в 1924 г. Официальной целью её было провозглашено устранение перегруженности высших учебных заведений и избавление их от «балласта», то есть студентов, не подходивших под критерии «красного» специалиста, способного принести пользу государству. Авторами предпринята попытка выявления степени понимания местными комиссиями их задач и условной границы между академическим и качественным подходом и сделан вывод о значительной степени зависимости хода проверки от настроений составов местных проверочных комиссий, нередко слишком увлекавшихся классовым подходом в своей работе. Сделан вывод о слабой эффективности самого процесса проверки, не приведшего к устранению перегруженности высшей школы, но лишний раз встревожившего студенческие

массы. Анализ содержания апелляций отчисленных студентов позволил сделать вывод о высокой степени антагонизма не только в студенческой среде, но и советском обществе в целом, что выражалось, в первую очередь, в поиске внутренних врагов. Студент, в годы Гражданской войны оказавшийся в стане белой армии и не сумевший скрыть это, зачастую был обречен на исключение или становился объектом доноса. Кроме того, как показал анализ реакций студенчества, чистка обратной своей стороной была и по пролетарскому студенчеству, вынужденному ежедневно трудиться и фактически бороться за свое выживание в условиях крайней степени материальной необеспеченности, что приводило к низкой успеваемости.

Ключевые слова: чистка вузов, советское студенчество, социальная дискриминация, высшая школа, пролетаризация вузов, большевизм.

Для цитирования: Любезный И. В., Смагина С. М. Процесс чистки студенческого состава высшей школы Юга России в 1924 году: приоритеты и итоги // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 98–105. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.12

Il'ya V. Lyubeznyi
Svetlana M. Smagina**THE PROCESS OF PURIFICATION OF THE STUDENT STRUCTURE
OF THE HIGHER SCHOOL OF THE SOUTH OF RUSSIA IN 1924:
PRIORITIES AND RESULTS**

The article studies the process of extensive academic and qualitative inspection of the student body of the higher school of Southern Russia (South-Eastern Russia at that time) made in 1924. The study is based on archival documents of territorial and local inspection commissions, as well as students' appeals deposited in the funds of the State Archive of the Rostov Region. The official goal of the inspection was to ease the overcrowding of universities and to get rid of the «dead weight» meaning students who did not fit the criteria of a «red» specialist capable of benefiting the state. The authors attempted to determine whether the local commissions properly understood their tasks and the conditional boundary between academic and qualitative approaches, which led to the conclusion of a significant dependence of the inspection process on the mood of the local inspection commissions, often too keen on the class-based approach in their work. Another conclusion is the poor effectiveness of the inspection process itself, which did not lead to solving the overcrowding of the higher school problem, but once again alarmed the students. An analysis

of the appeals of expelled students led to the conclusion of a high level of antagonism not only among the student body, but also in Soviet society in general, which was expressed, first of all, in searching for internal enemies. A student who had joined the White Army during the Civil War and failed to conceal it was often condemned to be expelled or to be denounced. Moreover, as an analysis of the reactions of the students has revealed, the purge also negatively affected the proletarian student body, which was forced to work every day and actually struggle for its survival under conditions of extreme material insecurity, leading to poor academic performance.

Key words: purge of universities, soviet students, social discrimination, high school, proletarianization of universities, bolshevism.

For citation: Lyubeznyi I. V., Smagina S. M. The process of purification of the student structure of the higher school of the South of Russia in 1924: priorities and results // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 98–105 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.12

Взятие власти большевистской партией в 1917 г., по словам В. И. Ленина, стало началом «видоизменения обычного исторического порядка» [20, с. 381]. То есть наступлением эпохи управляемой социальной трансформации, целью которой являлось построение «нового мира». И если ранее все внимание исследователей послереволюционного десятилетия было приковано к противостоянию в «верхах» партии, к персонализированной борьбе за власть и постижению проблем «военного коммунизма», а затем НЭПа, – иначе говоря, к глобальным социально-экономическим процессам и истории «великих личностей», – то ныне, благодаря использованию новых междисциплинарных подходов, расширению источниковой базы, на первый план выступает история «низов», рядовых граждан. Таким образом, «безмолвные» прежде широкие народные массы, погруженные в гущу глубоких социальных преобразований и экспериментов, ныне становятся объектом исследовательских интересов, нацеленных на выявление мыслей и чувств их представителей, стратегий выживания, реакций на проводимые большевиками трансформации и способы участия в них.

Особые надежды большевиками возлагались на одну из самых активных частиц социума раннего советского государства – учащуюся молодежь, которой, как указывал в одной из своих речей Ленин, «предстоит настоящая задача создания коммунистического общества» [15, с. 298]. Декретом СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. перед ней были открыты двери всех высших учебных заведений. Однако вскоре выяснилось, что не каждый студент способен был стать ценным для государства специалистом, а потому учащуюся среду все 1920-е гг. сотрясали академические и качественные проверки студенческого состава, зачастую именуемые просто чистками. Обращение к подобной теме имеет актуальность еще и в том плане, что современное Российское государство находится во многом в схожих условиях, что и в 1920-е гг., и стоит в очередной раз перед необходимостью выбора перспектив дальнейшего развития, особенно в образовательной сфере.

Тема студенческих чисток, даже несмотря на активное изучение процесса трансформации высшего образования в 1920-е гг., не стала в отечественной историографии предметом специального исследования. Даже в 1985 г. в кандидатских диссертациях не имелось о них упоминаний [19]. И позднее, в исследованиях о развитии высшего образования, авторы писали о чистках в отношении профессорско-преподавательского состава, но не студенчества [17]. Раньше всех к теме студенческих чисток обратились зарубежные исследователи. Так, наиболее известные работы по данной теме принадлежат американской исследовательнице Ш. Фицпатрик, затрагивавшей тему

чисток в совокупности с процессом социальных преобразований советского общества [30], и канадскому историку П. Конечному, сосредоточившемуся в своей статье на процессе студенческой чистки 1924 г. в Ленинграде [31]. Ныне же тема университетских чисток является составной частью изучения проблемы пролетаризации [1] и трансформации [28] высшего образования, а также истории студенческой повседневности [23], внутрипартийной борьбы [24] и стратегий студенческой самопрезентации в глазах власти [2]. Однако степень проработанности данной темы еще нельзя признать удовлетворительной во всех аспектах.

Отсюда цель данной статьи – рассмотреть процесс чистки высших учебных заведений Юга России (в то время – Юго-Востока) в 1924 г. и попытаться установить взаимосвязь между официально постулируемыми целями чистки и их воплощением на местах, в том числе через восприятие хода чистки студентами. Основой источниковой базы исследования выступают материалы краевой и местных комиссий по академической и качественной проверке вузов Юго-Востока, отложившиеся в фондах Государственного архива Ростовской области (ГАРО): переписка по вопросам проведения чистки, протоколы и отчеты проверочных комиссий, опросные листы и апелляции студентов.

Недовольство партийцев Юго-Востока страны к состоянию вузовской среды проявлялось еще за год до чистки. В партийной печати Донской области высшая школа, даже через 5 лет после революции именовалась «буржуазной крепостью», где профессура, «почтительно расшаркиваясь перед идеализмом, читает рефераты перед тысячами студентов на тему «Гегель и Маркс»» [14, с. 32], и в которой только к 1923 г. «пробили значительную брешь» [16, с. 4]. Вызывал нарекания со стороны партийцев медленный процесс пролетаризации вузов и исправления ее «засоренной выходящими из буржуазии и мещанской среды» [13, с. 127]. Призывы к очищению рабфаков и вузов от непролетарского элемента имели место еще в период дискуссии 1923 – начала 1924 г. [27, л. 8].

Официально вопрос о необходимости проверки студенческого состава и его сокращения в общегосударственном масштабе был вынесен заведующим Главным управлением профессионального образования И. И. Ходоровским 30 апреля 1924 г. на страницы центральной газеты «Правда». Её он обосновывал двумя главными причинами – переполнением «сверх всякой мыслимой нормы» вузов и перепроизводством «лишних» специалистов, которым не будет возможности найти применение. Из первой причины закономерно, по словам Ходоровского, вытекала низкая успеваемость значительного числа студентов, а также невозможность перехода к более прогрессивным и эффективным

методикам преподавания. Выход из сложившейся ситуации им виделся в сокращении приема в новом учебном году и проведении пересмотра «наличного состава студенчества в целях избавления наших вузов от балласта». При этом И. И. Ходоровский указывал, что наибольшими льготами должны были при проверке пользоваться рабочие и крестьяне: им позволялось иметь слабую успеваемость с тем условием, что они все в скором времени наверстают, а при невозможности освоить программу одного вуза они могли быть переведены в другой. Кроме того, «сугубая осторожность» требовалась им в проверке студентов старших курсов, так как государство уже потратило на них огромное количество средств. В отношении же представителей других классов выдвигалось требование «полной академической успешности» [24]. Статья не являлась выражением личного мнения Ходоровского, потому как повторяла пункты утверждённой Президиумом коллегии Наркомпроса днем ранее секретной инструкции «О проведении качественной проверки студентов вузов РСФСР», где, помимо уже выше обозначенных положений, была расписана организационная структура проверочных комиссий и прописаны критерии для исключения студентов. § 8 инструкции обязывал комиссию исключать студентов, проявивших себя «как элемент враждебно настроенный к политике соввласти и пролетаризации ВУЗ» [12, л.7об]. До начала чистки последовал еще ряд подробных дополняющих и поясняющих инструкций, в которых прописывались в том числе и формулировки для отчисляемых [12, л.16 об], рекомендательные цифры по количеству отчисляемых – не менее 30 000 по всей стране, с разверсткой в процентном соотношении по социально-экономическим (30 %), медицинским (15–20 %), индустриально-техническим (20 %), педагогическим (20–25 %), художественным (20 %) и сельскохозяйственным (15–20 %) вузам [12, л. 24].

Санкционировано проведение чистки было 16 мая 1924 г., хотя в некоторых вузах она уже к этому моменту проводилась несколько дней [21, с.199–200], а на Юго-Востоке шла к ней подготовка [12, л. 8]. В опубликованном постановлении Совнаркома РСФСР сообщалось, что «в виду чрезмерного переполнения высших учебных заведений, ... а также в виду невозможности для республики использовать все количество оканчивающих студентов», необходимо сократить количество учащихся по «линии их академической успешности с тем, чтобы по отношению к пролетарскому студенчеству были допущены возможные преимущества и льготы». Не подвергались проверке выпускные курсы [22]. Таким образом, уже с самого начала в процессе чистки не было четкого разграничения между классовым и ака-

демическим подходом в проверке, что создавало угрозу перерастания чистки в политический экзамен и расправу над классовым врагом.

После 18 мая Ходоровский вновь выступил в печати с повторением ранее сказанного, «так как и сейчас с разных сторон продолжают раздаваться недоуменные вопросы относительно причин проверки» [26, с. 112]. Примечательно, что в том же выпуске журнала присутствовали две статьи, прямо тему академической чистки вузов не затрагивающие, но достаточно показательные. Н. К. Крупская в своей статье, прямо не критикуя процесс чистки, заявляла, что «сортровка по «происхождению» – пережиток средневековой сословности и в корне противоречит классовому принципу» и нужно лишь правильно воспитывать человека, чтобы он стал красным спецом и сознательным пролетарием-ленинцем» [18, с. 18]. Вторая статья принадлежала известному партийному публицисту Е. М. Ярославскому. Он, хотя и говорил о проверке партийных ячеек вузов, одновременно подверг разгромной критике всю среду высшей школы за её аморфность и подверженность мелкобуржуазным влияниям, за поведение её членов во время дискуссии 1923 – начала 1924 г., фактически поставив знак равенства между понятием «оппозиционный» и «вузовский» [29]. Таким образом, есть все основания полагать, что не все партийные круги имели одинаковые взгляды на процесс чистки студенческого состава. И если Крупская представляла скорее умеренное крыло работников Наркомпроса, то Ярославским была представлена позиция партийцев середняков, как раз и входивших в проверочные комиссии.

Уже к 27 мая Ходоровский счёл возможным подвести основные итоги проверки на основании материалов Москвы и Ленинграда: «мы имеем самую настоящую, разумно и правильно проводимую академическую проверку учащихся». По его словам, не менее 90 % исключений приходилось на академическую неуспешность, 10 % – на «балласт», непригодный ко своей специальности, и в «единичных случаях» решающую роль играл «момент политический». Этот последний момент разъясняется Ходоровским на примере разоблаченного студента-белогвардейца – бывшего адъютанта Деникина, который еще и «спекулянт, торгующий кокаином» [25]. В этом последнем моменте проявился еще один важный аспект чистки – поиск людей с белогвардейским прошлым.

Чистка на Юго-Востоке началась позднее, чем в центре и разворачивалась неравномерно. Так, хотя о создании проверочных комиссий было сообщено еще 9 мая [3, л. 16], в ДГУ только 20 мая председателям университетских проверочных комиссий были вручены удостоверяющие мандаты, а 20–22 мая комиссии приступили к обсуждению организационных вопросов [3, л. 36]. Председатель проверочной комиссии по Медфаку ДГУ Розин

сообщил, что «чистке подлежат все студенты без исключения», а в комиссию будут входить представители партийных и профорганизаций, а также от студенчества. Оказывать помощь им должны были подкомиссии, которые обязывались подготавливать всю необходимую к проверке информацию об успеваемости, в том числе устанавливать «политфизиономию студента, его отношение к Соввласти и Компартии». При этом, не обратив внимания на требование не производить чистку в рядах выпускных курсов, участники совещания развернули дискуссию о том, к каким курсам необходим наиболее строгий подход. Так, Мишнаевский и Бахмутский высказались за строгое отношение к первым курсам, так как на старшие курсы уже затрачены государственные средства, и они представляют из себя «вполне лояльный элемент, на который можно положиться и использовать несмотря на то, что это мелкобуржуазный элемент». Их оппонентами выступили Сурвило и Канашенок, в своих выступлениях напиравшие на то, что первые два курса «являются по своему составу наиболее пролетарскими» и «представляют для государства идеологическую ценность» [10, л. 1]. Сам Розин позднее на собрании 1–2 курсов студентов сообщал, «что в основу чистки ляжет не только академическая успеваемость, но и классовое происхождение и общественная польза от студента», потому что Соввласть ожидает только «красных врачей» [12, л. 2]. Для студентов 3–5 курсов общее собрание производилось отдельно и при участии большего количества высокопоставленных лиц. Так, председатель Юго-Восточного бюро ВЦСПС Беленький сделал обстоятельный доклад с разъяснением причин проверки студенческого состава, основными причинами назвав необходимость концентрации средств и классового подбора в деле подготовки врачей [12, л. 3 об].

26 мая ректор ДГУ В. П. Вельмин и председатель проверочной комиссии ДГУ по физматфу, педфаку и факультету общественных наук В. М. Ботвинов подписали обращение к студентам, в котором скорректировали позицию по чистке старших курсов, указав, что производиться она будет «исключительно для ознакомления представителей широких трудящихся масс с работой и продукцией Донского университета» [3, л. 41]. В Донском политехническом институте комиссия приступила к чистке с 21 мая и заседала по 10 часов ежедневно, кроме праздничных дней, вплоть до 27 июня [5, л. 16]. Похожий темп работы был у комиссии Медфака ДГУ, проводившей проверку в том числе и в вечерние часы [6, л. 1–16]. Подобный подход к проверке, когда в один день комиссией проверялось до 100 человек, несомненно, приводил к ошибкам и возмущению со стороны студентов. Так, одна студентка жаловалась, что проведенный опрос комиссией был «поверх-

ностным», а потому комиссия вынесла неверный вердикт и постановила перевести её в другой университет, вопреки ее воле [5, л. 10]. Другой студент уверял, что он из-за болезни не смог появиться на проверке, а комиссия каким-то образом вынесла решение отчислить его заочно «как неуспевающего при полной матер. обеспеченности», в то время как ему приходилось «пыхнуть от голода» [8, л. 50]. Студентка педфака ДГУ обвиняла комиссию в том, что её отчислили якобы из-за политической неграмотности, при том, что не было задано ни одного подобного вопроса [8, л. 63]. Писавший заявление вместо своей исключенной сестры красноармеец Перлин Б. М. прямо указывал, что её исключение стало одной из ошибок, «которые неизбежны при такой массовой проверке» [8, л. 64].

В фондах ГАРО сохранилась значительная часть протоколов чистки с пофамильным перечислением проверенных студентов и вынесенных им вердиктов. Однако их разбросанность в рамках двух фондов по различным делам и отсутствие некоторых протоколов, вкупе с большим количеством внесенных от руки правок, не позволяют по ним произвести точный подсчет отчисленных. На большое количество исправлений и путаницу в цифрах жаловалась Центральная проверочная комиссия [7, л. 14]. Это еще и усугубляется тем, что только в ДГУ на чистку не явилось 468 студентов (15.6 % от общего числа) [3, л. 106]. Все они, – как и прошедшие чистку, но исключенные ей, – имели возможность подать апелляцию, прием которых растянулся вплоть до 20 сентября 1924 г. [3, л. 158]. А на Кубани тяжбы по апелляциям растянулись вплоть следующего года [9, л. 199].

Тем не менее, сохранившиеся общие отчеты по университетам позволяют выявить хотя бы первичные цифры «вычищенных» (включая неявившихся). Так, даже наиболее крупный университет – ДГУ – потерял 1050 человек (35 %): по § 8 инструкции по проверке 192 (6,4 %), по академической неуспешности 390 (13 %), не явились – 468 (15.6 %) [3, л. 106]. Кубанский пединститут исключил из своих рядов 158 человек (24.88 %) [5, л. 50]. Кубанский сельскохозяйственный институт – 60 (17.6 %) [11, л. 6, л. 11–12]. Больше всего исключений в процентном соотношении было в Донском ветеринарном институте – 107 человек (46,9 %). Относительно невысокие первичные цифры затем еще и корректировались Центральной комиссией путем восстановления значительного числа студентов. Подобные действия явно не могли привести к «разгрузке» вузов.

Тексты отчетов достаточно красноречиво позволяют удостовериться в том, что классовый подход для некоторых комиссий стоял на первом месте, что подтверждается и секретным письмом в адрес Ходоровского от уполнаркомпроса

Томашевского, в котором сообщалось о том, что «у многих членов комиссии склонность экзаменовать студентов по политграмоте», а в Новочеркаске «все комиссии... перегибали палку», превращая проверку в «допрос с подлавливанием» [11, л. 2]. На данное письмо Ходоровский подготовил официальный ответ, в котором еще раз напомнил от лица Центральной проверочной комиссии, что «проверка не должна носить характера экзамена по политзнаниям» [7, л. 6]. Комиссия по Медфаку ДГУ в своем отчете сосредоточилась практически полностью на описании социального облика студентов-медиков и их политических знаний. Наиболее пострадавшим оказался 4 курс, так как он был назван комиссией «самым неблагополучным по социальному составу» по причине большого процента «детей бывш. купцов, торговцев, I и II-й гильдии, офицеров, генералов, чиновников, жандармов и т. д.» [5, л. 14]. Такое увлечение классовым подходом даже вызвало негативную реакцию со стороны представителей Наркомпроса, обращение в Краевую комиссию которых привело к восстановлению значительного числа отчисленных и горестное сожаление комиссии по медфаку, что её работа «сведена на нет» [5, л. 4 об]. Комиссия ДПИ сообщала в отчете, что в первый же день работа была осложнена конфликтом с профессором Беляевым, покинувшим комиссию из-за исключения преуспевающего в академическом плане сына крупного промышленника Фон-Дитмара. После чего Правление ДПИ направило в комиссию деканов факультетов, «которые придерживались принципа оставления всех кои мало-мальски успевают, а в отношении комсомольцев настаивали на исключении за неуспешность». Аналогично комиссия ДПИ сожалела, что Краевая комиссия восстановила 167 человек [5, л. 16]. Более того, 27 июня комиссия ДПИ постановила в протоколе обратиться в Краевую комиссию и потребовать прекращения приема апелляций от студентов, так как в противном случае она «оставляет за собой право подымать вопрос о пересмотре постановлений в отношении восстановленных» [5, л. 18]. Против действий местных комиссий было настроено и руководство вузов. К примеру, Правление Донского института сельского хозяйства и мелиорации направляло прошение в Краевую комиссию о восстановлении 88 студентов, вполне успевающих в учебе, но отчисленных ввиду своей «социальной чуждости» [5, л. 42–47]. Даже отмечавшая свой внимательный подход к студентам комиссия Кубанского пединститута указывала, что апелляции на исключение (всего 9) подавались главным образом исключенными «по политическим мотивам, как антисоветский и социально чуждый элемент» [5, л. 51].

Однако тексты студенческих апелляций все же не позволяют считать чистку полностью политической. Среди исключенных оказывались и вполне

не классово близкие по духу партии студенты. К примеру, среди исключенных оказался общественно активный и деятельный студент, служивший ранее в «карательно-политических органах», а ныне профсоюзный деятель и автор статей для местной печати, «который, – по собственным словам, – много сделал на укрепление нашей Республики, не щадя своих сил и здоровья» [8, л. 9–10]. Свою академическую неуспеваемость он обосновывал тем, что сдачу всех зачетов можно требовать только от студента, «вполне материально обеспеченного и который имеет много свободного времени». А ему же приходится жить в невыносимых условиях, давать уроки и спать по 4 часа в сутки. Особенно данный студент выделял в своей биографии сопротивление белогвардейской мобилизации: «мне пришлось удирать из Ростова... моя фамилия публиковалась вместе с другими студентами в газете как дезертира» [8, л. 10]. Другой студент сообщал, что исключен по недоразумению, так как имел хорошую успеваемость, а самое главное – «начал служить, начиная с 16 лет», успев побывать в армии и на производстве, пока не был командирован в ДПИ [8, л. 51 а]. Казимир Понятовский сообщал в апелляции, что был отчислен из-за отсутствия документов, подтверждающих его службу в «Красной гвардии, а потом в Красной армии» [8, л. 54]. За академическую неуспешность был отчислен сын рабочего, бывший боец Красной армии Бабков П. В., свою неуспешность объяснявший необходимостью постоянно искать случайные заработки «как-то: уроки, переписка и летние полевые работы» [9, л. 155].

Уже после окончания основной волны подачи апелляций в Краевую комиссию поступила коллективная жалоба студентов. Назвав себя «группой пролетарского студенчества», они заявили, что работа Краевой комиссии была организована неверно, так как в её основу был положен «принцип академической успешности студентов», что привело к восстановлению значительного числа чуждых элементов и отклонению апелляций пролетарских студентов. Корень этой, по их словам, «нелепости» скрывался в том, что простому студенту пролетарию тяжелее конкурировать с материально обеспеченным представителем социально чуждого элемента. В пример они приводили факт восстановления в числе студентов сына богатого промышленника Фон-Дитмара [9, л. 38–40].

Интересным представляется понимание сути пролетарского происхождения в одной из апелляций. Студентка педфака ДГУ заявила, что причисление её к социально чуждому элементу «грешит против истины», так как она «пролетарского происхождения (казачка Полтавской губ)». Отец ее – с 1910 г. стал землемером. А исключение его из рядов пролетариата, по её мнению, «равносильно тому, что чуть ли не половину трудящейся интел-

лигенции России необходимо будет причислить к чуждому элементу» [8, л. 33]. Близким к пролетарскому, свое происхождение определяла и дочь зубного врача, исключенная за академическую неуспешность, социальную чуждость и политическую неграмотность. «Еще один год обучения и государство имеет в своем распоряжении педагога, воспитанного в духе советского строительства и целиком воспринявшего, и могущего проводить его принципы», – писала она о себе [4, л. 63]. А студент Кубанского государственного мединститута обосновывал свое право учиться в высшей школе в том числе аргументом, что его отец, – маляр по профессии, – «никогда не был чужд рабочему классу, наоборот он спас в 1918 году 9 (девять) коммунистов», укрыв их в своем доме [9, л. 134].

Одним из важнейших аспектов чистки стала уже упоминаемая «охота» на студентов с «белогвардейским» прошлым. Студент ДПИ в своей апелляции заявлял, что дважды подвергся проверке и после второго опроса был отчислен за службу в рядах Белой армии, хотя ранее был оставлен с условием сдачи зачетов к 1 декабря [4, л. 49]. Активно к «охоте» присоединялась и некоторая часть студенческой массы. Так, от одной из студенток с партийным билетом поступило заявление в Краевую комиссию, в котором она сообщала, что местная комиссия оставила «дочь чиновника белогвардейца». Её присутствие, по мнению заявительницы, «не пролетаризирует Высшую школу, а развращает ее» [4, л. 3]. Другой студент ДПИ жаловался, что исключен был по доносу за «сокрытие социального происхождения и службы в белой армии», хотя сам являлся сыном рабочего и проходил службу в советских войсках до 1923 года. «Исключение для меня равносильно смерти, высшая квалификация мечта моих родителей и цель моей жизни», – завершал он свое письмо [8, л. 52]. Оправдывать свою службу

в рядах Белой армии пришлось краснодарцу Бусыгину: «я в анкетах службу у белых не указывал, т. к. служба эта была мне неприятна нравственно и не желал это иметь каким-либо препятствием к моему дальнейшему учению» [9, л. 139]. Он не стал скрывать это на опросе перед комиссией, надеясь на ее понимание. Она же, в свою очередь, якобы потребовала от студента написать донос на другого учащегося, от чего он отказался и получил вердикт: «тем хуже для Вас». Комиссия не исключила Бусыгина, но вскоре в ГПУ поступил уже на его имя поступил донос, приведший к кратковременному аресту [9, л. 139 об].

В итоге, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что характер академической и качественной проверки студенческого состава 1924 г. чрезвычайно сильно зависел от настроений ее исполнителей на местном уровне. Что косвенно подтверждается значительным числом восстановленных Краевой комиссией. Даже несмотря на четкую регламентацию процесса, активное его сопровождение со стороны Главпрофобра, академическая проверка слишком часто превращалась в классовую. Ведь сама идея чистки уже содержала в себе это противоречие, во многом навязанное идеологией – стране и партии нужны были не простые «красные» специалисты, готовые к строительству «нового мира». С другой стороны, эти «красные» специалисты имели слишком слабую материальную базу, от чего чрезвычайно сильно страдала их успеваемость. Таким образом, чистка 1924 г. не могла удовлетворить ни пролетарское студенчество, ни студенчество вообще, так как не привела к разгрузке высшей школы. Зато она смогла выявить высокий уровень антагонизма в обществе, не так давно пережившем Гражданскую войну, и все еще нацеленном на поиск идейных врагов. Это был важный лейтмотив образовательной политики этого периода.

Литература

1. Андреев Д. А. Пролетаризация советской высшей школы: 1921 – 1925 годы // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. №44. С. 22–26.
2. Андреев Д. А. Советский студент первой половины 1920-х: особенности самопрезентации // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 156–166.
3. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Р-46. Оп.1. Д. 179.
4. ГАРО. Р-46. Оп.1. Д. 184.
5. ГАРО. Р-46. Оп.1. Д. 192.
6. ГАРО. Р-46. Оп.1. Д. 193.
7. ГАРО. Р-64. Оп.1. Д. 179.
8. ГАРО. Р-64. Оп.1. Д. 184.
9. ГАРО. Р-64. Оп.1. Д. 203.
10. ГАРО. Р-64. Оп.1. Д. 44.
11. ГАРО. Р-64. Оп.1. Д. 56.
12. ГАРО. Р-64. Оп.1. Д. 58.
13. Глухов Г. Профессиональная организация студенчества Юго-Востока // Коммунист. Ежемесячный орган Ю.-В. Бюро ЦКРКП(б) и Донского комитета РКП(б). 1924. №3.
14. Еремеев В. Так не годится // Коммунист. Ежемесячный орган Донского комитета РКП(б). 1923. №12.
15. Задачи союзов молодежи (Речь на 3-м Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Издание пятое. Т. 41. М.: Издательство политической литературы, 1970. 696 с.

16. И. О. Работа партии в высшей школе // Коммунист. Ежемесячный орган Донского комитета РКП(б). 1923. № 9.
17. Кононенко В. М. Развитие высшего образования на Юге России (20-90-е годы XX века): дисс. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 2006. 619 с.
18. Крупская Н. К. Партия и студенчество // Красная молодёжь. 1924. № 1.
19. Монтеро З. А. Партийное руководство становлением и развитием высшей школой Дона и Северного Кавказа (1917–1927 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1985. 223 с.
20. О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Издание пятое. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 45. С. 378–382.
21. Остракизм по-большевистски: Преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг. / сост., предисл. В.Г. Макарова, В. С. Христофорова; Коммент. В. Г. Макарова. М.: Русских путь, 2010. 800 с.
22. Правда. 1924. 17 мая.
23. Рожков А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 640 с.
24. Халфин И. В поисках оппозиции: чистка 1924 г. в Ленинградском коммунистическом университете им Г.Е. Зиновьева // Личность, общество и власть в истории России: сборник научных статей, посвященный 70-летию д-ра ист. наук, проф. В. И. Шишкина / редкол.: Т. И. Морозова (отв. секр.), В. М. Рынков (отв. ред.), А. И. Савин (отв. ред.) [и др.]; Ин-т истории СО РАН. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2018. С. 398–420.
25. Ходоровский И. И. К проверке состава студенчества // Правда. 1924. 30 апреля.
26. Ходоровский И. И. К проверке состава учащихся // Красная молодёжь. 1924. № 1.
27. Центр документации Новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф-12. Оп. 5. Д. 167.
28. Шандулин Е. В. Университетская трансформация в 1920-е гг. В СССР как отражение государственной политики реформирования системы высшего образования (по материалам Донского университета) // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. №1. С. 135–140.
29. Ярославский Е.М. К проверке коммунистического состава ВУЗ'ов // Красная молодёжь. 1924. № 1.
30. Fitzpatrick Sh. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge: Cambridge University press, 1979. – 355 p.
31. Konecny P. Chaos on Campus: The 1924 Student Proverka in Leningrad // Euro-Asia Studies. 1994. V. 46. № 4. P. 617–635.

References

1. Andreev D. A. Proletarizatsiya sovetskoi vysshei shkoly: 1921–1925 gody (Proletarianization of the Soviet higher school: 1921–1925) // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. 2007. No. 44. P. 22–26. (In Russian).
2. Andreev D. A. Sovetskii student pervoi poloviny 1920-kh: osobennosti samoprezentatsii (Soviet student of the first half of the 1920s: features of self-presentation) // Sotsiologicheskii zhurnal. 2007. No. 2. P. 156–166. (In Russian).
3. State Archives of the Rostov Region (GARO). R-46. Inv.1. D. 179. (In Russian).
4. GARO. R-46. Inv.1. D. 184. (In Russian).
5. GARO. R-46. Inv.1. D. 192. (In Russian).
6. GARO. R-46. Inv.1. D. 193. (In Russian).
7. GARO. R-64. Inv.1. D. 179. (In Russian).
8. GARO. R-64. Inv.1. D. 184. (In Russian).
9. GARO. R-64. Inv.1. D. 203. (In Russian).
10. GARO. R-64. Inv.1. D. 44. (In Russian).
11. GARO. R-64. Inv.1. D. 56. (In Russian).
12. GARO. R-64. Inv.1. D. 58. (In Russian).
13. Glukhov G. Professional'naya organizatsiya studenchestva Yugo-Vostoka (Professional organization of students of the South-East) // Kommunist. Ezhemesyachnyi organ Yu.-V. Byuro TsKRKP(b) i Donskogo komiteta RKP(b). 1924. No.3. (In Russian).
14. Eremeev V. Tak ne goditsya (That won't do) // Kommunist. Ezhemesyachnyi organ Donskogo komiteta RKP(b). 1923. No. 12. (In Russian).
15. Zadachi soyuzov molodezhi (Rech' na 3-m Vserossiiskom s'ezde Rossiiskogo Kommunisticheskogo Soyuz Molodezhi) (Tasks of Youth Unions (Speech at the 3rd All-Russian Congress of the Communist Youth Union of Russia) // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1970. Vol. 41. 696 p. (In Russian).
16. I. O. Rabota partii v vysshei shkole (The work of the party in high school) // Kommunist. Ezhemesyachnyi organ Donskogo komiteta RKP(b). 1923. No. 9. (In Russian).
17. Kononenko V. M. Razvitie vysshego obrazovaniya na Yuge Rossii (20-90-e gody KhKh veka) (Development of higher education in the South of Russia (20-90-ies of the twentieth century): thesis. Stavropol', 2006. 619 p. (In Russian).
18. Krupskaya N. K. Partiya i studenchestvo (Party and students) // Krasnaya molodezh'. 1924. No 1. (In Russian).
19. Montero Z.A. Partiinoe rukovodstvo stanovleniem i razvitiem vysshei shkoloi Dona i Severnogo Kavkaza (1917–1927 gg.) (Party leadership of the formation and development of the Higher School of the Don and the North Caucasus (1917–1927): thesis. Rostov-on-Don, 1985. 223 p. (In Russian).
20. O nashei revolyutsii (Po povodu zapisok N. Sukhanova) (About our Revolution (On N. Sukhanov's notes) // Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenii. – Izdanie pyatoe. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1970. Vol. 45. 729 p. (In Russian).
21. Ostrakizm po-bol'shevistski: Presledovaniya politicheskikh opponentov v 1921–1924 gg. (Bolshevik Ostracism: Studies of Political Opponents in 1921–1924.) / Compiler V.G. Makarov, V.S. Khristoforov; comments. V.G. Makarov. Moscow, 2010. 800 p. (In Russian).

22. Pravda. 1924. May 17. (In Russian).
23. Rozhkov A.Yu. V krugu sverstnikov: Zhiznennyi mir mladogo cheloveka v Sovetskoi Rossii 1920-kh godov (In the circle of peers: The Life world of a young man in Soviet Russia of the 1920s). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 640 p. (In Russian).
24. Khalfin I. V poiskakh oppozitsii: chistka 1924 g. v Leningradskom kommunisticheskom universitete im G.E. Zinov'eva (In Search of the Opposition: the Purge of 1924 at the Leningrad Communist University named after G.E. Zinoviev) // Lichnost', obshchestvo i vlast' v istorii Rossii: sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi 70-letiyu d-ra ist. nauk, prof. V. I. Shishkina / Novosibirsk: SA of RAS publ., 2018. P. 398–420. (In Russian).
25. Khodorovskii I.I. K proverke sostava studenchestva (On the check of the composition of the student body) // Pravda. 1924. April 30. (In Russian)
26. Khodorovskii I.I. K proverke sostava uchashchikhsya (On check of the composition of students) // Krasnaya molodezh'. 1924. No.1. (In Russian).
27. Center for Documentation of the Modern History of the Rostov Region (TsDNIRO). F-12. Inv. 5. D. 167. (In Russian).
28. Shandulin E. V. Universitetskaya transformatsiya v 1920-e gg. V SSSR kak otrazhenie gosudarstvennoi politiki reformirovaniya sistemy vysshego obrazovaniya (po materialam Donskogo universiteta) (University transformation in the 1920s. In the USSR as a reflection of the state policy of reforming the higher education system (based on the materials of the Don University) // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2017. No.1. P. 135–140. (In Russian).
29. Yaroslavskii E.M. K proverke kommunisticheskogo sostava VUZ'ov (On the check of the communist composition of universities) // Krasnaya molodezh'. 1924. No. 1. (In Russian).
30. Fitzpatrick Sh. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge: Cambridge University press, 1979. 355 p.
31. Konecny P. Chaos on Campus: The 1924 Student Proverka in Leningrad // Euro-Asia Studies. 1994. V. 46. No. 4. P. 617–635.

Сведения об авторах

Смагина Светлана Михайловна – кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории XX – XXI веков института истории и международных отношений Южного федерального университета / smagina.svetlana2020@yandex.ru

Адрес: д. 105/42, ул. Большая Садовая, 344006, Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Любезный Илья Витальевич – аспирант Института истории и международных отношений Южного федерального университета / ilya.lyubeznyi@yandex.ru

Адрес: д. 105/42, ул. Большая Садовая, 344006, Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Information about the authors

Svetlana M. Smagina – PhD in Historical Sciences, Professor, Chair of Russian History of XX – XXI, Institute of History and Foreign Relations, South Federal University / smagina.svetlana2020@yandex.ru

The address: 105/42, Bolshaya Sadovaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russian Federation.

Il'ya V. Lyubeznyi – post-graduate student, Institute of History and Foreign Relations, South Federal University / ilya.lyubeznyi@yandex.ru

The address: 105/42, Bolshaya Sadovaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russian Federation.